

УДК 316.013

А.В. Филькина

**ОПЫТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМА
ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ**

Предлагается анализ проблемы формирования исследовательской позиции в такой сфере отечественных социологических исследований, как изучение посредством этнографического метода новых религиозных движений, под которыми в данной работе понимаются любые религиозные группы, возникшие после Второй мировой войны и не признанные на данный момент традиционными в конкретном обществе.

Ключевые слова: этнографический метод, формирование позиции исследователя, новые религиозные движения, роль инсайдера, роль аутсайдера.

Рефлексия по поводу особенностей формирования исследовательской позиции является необходимым элементом в сборе и обработке информации посредством этнографического метода. Однако методологическая дискуссия по данному вопросу практически не представлена в российском социологическом дискурсе. Существуют отдельные области исследований, где так или иначе поднимались методологические проблемы этнографии в социологии: изучение быта постсоветской деревни (Т. Шанин [1], Е.Р. Ковалев [2]), изучение субкультуры инвалидов (П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова [3]), изучение субкультуры трудовых отношений (П.В. Романов, И.М. Козина [4]) и др. В то же время работы по методологии этнографии, в которых бы глубоко анализировались вопросы формирования исследовательской позиции и этика исследователя, в российской социологии отсутствуют.

В данной статье проблема формирования исследовательской позиции рассматривается на примере такой конкретной сферы отечественных социологических исследований, как изучение новых религиозных движений (НРД). В первой части статьи дается классификация подходов отечественных исследователей НРД, предпринятая по результатам исследования, проведенного в 2006–2007 гг. [5]. Анализ строится вокруг таких ключевых аспектов проблемы формирования исследовательской позиции, как личностная идентичность исследователя (пол, возраст, профессиональный статус и т.д.) и исследовательская роль, определяемая через соотношение инсайдерских и аутсайдерских компонентов. Именно эти аспекты образуют классическую схему для анализа данной проблемы в работах таких методологов этнографического подхода, как Р. Берджесс [6], М. Хэмерсли и П. Эткинсон [7], М. Агар [8]. За рамками данной статьи остается еще один важный аспект формирования исследовательской позиции – этика исследователя.

Сразу можно отметить, что опыт отечественных исследователей НРД кардинально отличается от опыта европейских исследователей в данной сфере: имели место как совершенно специфические особенности исторического оформления дисциплины, так и иная периодизация становления исследований НРД.

Во-первых, история изучения НРД в России короче, чем на Западе (где они начались в 1960-е гг.): первые неорелигиозные группы появились в России в 1980-х гг., но первые попытки их изучения начались только в 1990-х. При этом вплоть до настоящего времени практически отсутствовали сколько-нибудь значимые исследовательские проекты или теоретические работы, посвященные новорелигиозным движениям. Соответственно, большая часть проблем методологического характера, вставшая перед западными исследователями, еще не была в достаточной мере осознана российскими исследователями.

Во-вторых, отдельные немногочисленные российские исследователи в данной области в целом до настоящего времени изолированы друг от друга, имеют разную дисциплинарную платформу (социологи, историки, религиоведы, юристы), используют различный методический инструментарий (тактику исследования) и понятийный аппарат и придерживаются достаточно разных точек зрения на объект своих исследований, а также печатаются в различных изданиях.

В-третьих, валидность получаемых данных в настоящей момент достигается скорее через легитимацию авторитета самого исследователя, определяющегося его академическим статусом, длительностью взаимодействий с религиозной средой, уровнем компетентности в данной сфере. Принцип триангуляции реализуется, таким образом, в самом общем смысле – за счет существования коммуникации между как минимум пятью исследователями, взаимодействующими друг с другом и обменивающимися получаемыми об НРД сведениями. Уровень этих этнографий очень сложно оценить, поскольку далеко не вся информация, которой располагают эксперты в этой области, представлена в форме обстоятельных текстовых описаний, в большинстве своем знания об НРД функционируют в пространстве устного дискурса. Еще одним аспектом триангуляции можно считать вышеупомянутую тенденцию исследователей к «широте охвата» – все эксперты поддерживают контакты с разноплановыми неорелигиозными группами, не ограничиваясь исследованиями какой-либо одной субкультуры.

Основные типы этнографических исследований НРД, практикуемых в настоящее время в России

Говорить о какой-либо сложившейся методологии изучения НРД в рамках российской социологии достаточно затруднительно. Также условно можно отнести имеющиеся проекты по изучению НРД к этнографическому методу (хотя к этнографии те стратегии, которые используют исследователи, упоминаемые ниже, гораздо ближе, нежели к иным методам). Представляется, что методологическая рефлексия по этому поводу скорее может заключаться в реконструкции ландшафта, состоящего из «субъектов исследования» – индивидов и групп, занимающихся исследованиями НРД, – каждый из которых будет представлять определенную методологическую позицию. Попытка такого исследования была осуществлена нами в 2006–2007 гг. в рамках диссертационной работы. Главными задачами были: выяснение восприятия внешней социокультурной ситуации исследователями НРД, описа-

ние полевых стратегий, которыми они пользуются в процессе изучения новорелигиозных субкультур, анализ используемых ими концептов, а также специфики конструирования позиции включенного наблюдателя в этой сфере и, наконец, реконструкция бытующих представлений о том, в чем может заключаться этика исследователя при взаимодействии с новыми религиозными движениями.

Несмотря на то, что в России научное сообщество исследователей религии имеет в настоящее время очень размытые рамки и характеризуется высокой степенью разнородности, можно говорить о существовании некоторого ядра экспертов, принадлежащих непосредственно к академической среде. Главными критериями академической идентичности при выборе экспертов стали их преподавательская деятельность в вузах и публикации по теме НРД в рецензируемых научных изданиях.

Следует отметить, что круг российских ученых, занимающихся научными полевыми исследованиями новых религий, чрезвычайно узок, поэтому в число экспертов для интервьюирования, которое легло в основу данной работы, были включены также личности, имеющие яркие интернет-проекты или публикации, т. е. те, кого можно назвать лидерами мнения и кто принадлежит к академической среде, но не проводит реальных эмпирических исследований.

По результатам экспертных интервью и анализа литературы были выделены следующие три стиля сбора данных об НРД: «свободное общение» и «эмпирическое исследование», а также промежуточный стиль, используемый исследовательской группой С. Филатова, который сам Филатов именуется «геродотовским методом». Как уже было отмечено, классическое включенное наблюдение с длительным погружением в среду НРД российскими социологами фактически не проводилось. Исключение составляют единичные этнографические работы, например, Л. Григорьевой, собиравшей в течение нескольких месяцев материал о Виссарионовской общине путем включенного наблюдения, а также неопубликованные исследования М. Штерина.

«Неформализованное общение»

Поскольку эксперты в области НРД не являются в большинстве своем социологами (и зачастую роль академического ученого для них не доминирующая), информацию о новорелигиозных группах они собирают не путем «классических» эмпирических исследований, но, скорее, через личный опыт общения с представителями различных движений. Академическая идентичность предполагает наличие некоторого «культурного капитала» – широкого кругозора, религиозоведческой компетентности, мировоззренческой независимости, а главное – владение признанными исследовательскими методами и научным дискурсом, что позволяет экспертам ориентироваться в теме и создавать качественные тексты, отличимые от публицистики. Тем не менее в имеющихся статьях можно найти очень мало эмпирического материала, поэтому грань между ними и «продуктами труда», например средств массовой информации, трудноуловима.

Большая часть имеющихся экспертов являются личностями, известными за пределами академической среды, что заставляет представителей многих НРД самих искать контакта с ними, таким образом, в их распоряжении оказываются обильные источники информации. Именно высокий статус и авторитет делают возможной позицию «независимого эксперта» – информанты фактически приходят к ним сами. Один из экспертов описывает это следующим образом: «...они сами на меня вышли. И потом, у меня в 1994-м году вышла книга – неоиндуизм и западная культура. Должен признаться, она имела успех. Они... проявляют интерес. <...> Это все в форме свободных бесед... Такие свободные интервью. На магнитофон я как-то говорил с несколькими лидерами, но уже в качестве газетчика. <...> Ну, конечно, живое общение нужно. Но оно у меня было абсолютно без методов. Что-то на карандаш брал – какие-то соображения, рассказы, байки. Вот когда писал доклад для Палермо в прошлом году – они мне присылали какие-то материалы – воспоминания, как их сажали рассказывали – их сажали в 80-е годы. И я все эти истории, анекдоты – содержательные – я их как-то использовал, вставлял в текст, это был исторический очерк» [здесь и далее цитаты из интервью см. 5].

Соответственно, в данной конкретной ситуации (изучение НРД) применение тактики «свободного общения» несет за собой следующие ограничения. Во-первых, контакт с экспертами стремятся установить наиболее социально активные движения (кришнаиты, сайентологи и т.д.), тогда как некоторые субкультуры (например, неоязыческие) предпочитают оставаться в тени. Во-вторых, может вставать вопрос о сбалансированности получаемой информации – поскольку контакт с экспертами поддерживают в основном лидеры движений, а также те, кто ответствен за связи с общественностью, с рядовыми последователями общения не происходит (и здесь уже уровень информации будет зависеть от компетентности лидеров движений). В-третьих, за пределами внимания этих экспертов, как правило, оказываются региональные объединения, поскольку взаимодействие ограничено главным образом столицей, ее окрестностями и наиболее яркими объединениями.

«Геродотовский подход»

Последний пробел отчасти восполняется работой группы Филатова – материалами, публикуемыми в справочнике «Современная религиозная жизнь в России» [9]. (Проект ведется с 1997 г.) По мнению Филатова, в процессе практического изучения НРД действительно сталкиваешься со специфическими характеристиками данных групп, которые заставляют выстраивать определенную исследовательскую стратегию.

Первой особенностью сбора информации в данной среде является то, что вопреки представлению о сложности поиска НРД получить к ним доступ в поле достаточно просто, в отличие от маргинальных сегментов социума – политической или экономической элиты или социальных низов. С одной стороны, первичную информацию о движениях можно почерпнуть в Интернете, где большинство движений имеет собственные сайты с некоторой информацией и контактными телефонами и адресами. С другой стороны, рели-

гиозная среда не состоит из полностью изолированных сегментов, но представляет собой скорее общее пространство, где представители одного движения взаимодействуют с другими движениями. В большей степени это касается новой религиозности, но и представители традиционных церквей, и госслужащие, занимающиеся профессиональными вопросами, также включены в это коммуникативное пространство. Таким образом, войдя в эту среду, уже не испытываешь трудностей с выходом на другие религиозные движения.

Кроме того, «геродотовский метод», который применяет группа Филатова, – это интервью с экспертами-практиками – самими лидерами движений, активистами, чиновниками. Ограничиться интервьюированием, как считает Филатов, позволяют социально-психологические особенности респондентов, что является еще одним специфическим моментом изучения НРД: последователи НРД – это люди, ориентированные на проповедь, открытость. Во-первых, это означает, что с НРД достаточно просто выйти на контакт. Любопытно, что эксперт из группы Филатова смог вспомнить только два случая, когда неорелигиозные объединения отказались идти на контакт, при десятилетнем опыте изучения этой среды: незарегистрированные баптисты и рязанская женская языческая община. Как он отмечает, сложнее бывает встретиться с представителями православной епархии – из-за бюрократизации последних (или требуются какие-то бумаги, или не хотят общаться со светскими людьми). Во-вторых, не требуется длительного вхождения в группу для того, чтобы узнать вещи, не лежащие на поверхности. Другими словами, открытость представителей НРД не исчерпывается тем, что они с готовностью удовлетворяют интерес к особенностям своей доктрины и духовной практики, но не скрывают и то, что может вредить их имиджу. Таким образом, правильное позиционирование себя исследователем (на чем мы остановимся немного ниже), является достаточным условием установления контакта с НРД и получения в процессе общения с их представителями достаточно целостной информации.

Третьей особенностью изучения НРД в контексте «геродотовского метода» группы Филатова является очень гибкая структура проводимых интервью. Она выстраивается в соответствии со спецификой каждого отдельного движения и информанта. Был разработан своего рода «гайд», включающий набор основных вопросов и тем: история движения, оргструктура, особенности внутрискрутурной жизни – внутри данного религиозного движения, отношения с властями и другими конфессиями, численность, наличие своих СМИ, образовательных заведений, общественных, благотворительных организаций и общественной деятельности. Но в ходе реализации проекта было замечено, что стандартизация интервью ухудшает результаты; Филатов описывает это следующим образом: «Он (информант) в свободной проповеди, в свободном разговоре, о чем-то ему неинтересно говорить, о чем-то он даже не думал, а ты его долбишь – что ты думаешь о демократии, а он даже не думал и не знает, и если ты хочешь это найти – то как-то косвенно. Поэтому ты должен просто помнить разные темы, как ты все это должен задать, но если хочешь добиться успеха, разговор должен быть свободным». Некоторым общим правилом для этих нестандартизованных интервью является то, что они начинаются с вопросов о доктрине спасения: «Для чего вы существу-

вуете? В чем спасение? Для чего вы собираетесь – к чему вас приведет принадлежность к этому религиозному объединению?»; следующим блоком являются вопросы об общей картине мира, вытекающей из этой доктрины, и основных моральных и социальных установках. Под конец следуют демографические вопросы, касающиеся возраста, профессий, образования членов движения. Такой порядок нужен, чтобы избежать настороженности респондентов.

Наконец, четвертой особенностью изучения НРД, исходя из опыта группы Филатова, является избирательный подход к выборке: количество проводимых интервью и число информантов различаются в зависимости от специфики конкретного НРД. Оно напрямую зависит от уровня идеологической однородности движения, от дисциплины в движении. Есть религиозные объединения, например иеговисты, «Радастея», с которыми достаточно провести два-три интервью, и далее информация будет повторяться. В то же время имеются рыхлые в организационном плане, с неустоявшимся вероучением (например, виссарионовцы) или со специфическим пониманием этого вероучения в каждом отдельном регионе или приходе, где требуется гораздо большее количество интервью, что выясняется уже непосредственно в ходе их проведения.

Классическое включенное наблюдение

Еще одну методологическую позицию представляют немногочисленные исследователи, занимающиеся «классическими» полевыми этнографическими исследованиями в новорелигиозных группах. Они используют классический метод включенного наблюдения, практикуют длительные контакты с религиозными общинами. Наиболее известное такое исследование, ставшее предметом докторской диссертации, – это изучение Л.И. Григорьевой Виссарионовской общины под Красноярском, где материал собирался в течение десяти лет: исследовательница выезжала туда два раза в год и жила там примерно по 2–3 недели. Кроме виссарионовцев, Л.И. Григорьева изучала многих другие группы НРД и религиозные конфессии, в том числе Веры Бахаи, анастасиевцев, Белых Братьев и Сахаджа-йогов (с последними она совершила паломничество по Индии). Григорьева, так же как и Филатов, считает, что проблем с доступом в группы НРД не существует.

Непосредственное применение включенного наблюдения в среде религиозных групп имеет свою специфику. В частности, исследователи отмечают два момента, связанных с ограничениями этнографического подхода.

Во-первых, это возможная продолжительность непосредственного плотного контакта с группой. С одной стороны, как они считают, последователям НРД присущи специфические психологические характеристики. С другой стороны, Л.И. Григорьева говорит о такой характеристике метода, как необходимость эмпатии – эмоционального сочувствия, сопереживания, когда приходится настраиваться на людей, на фон. В проводимых включенных наблюдениях в различных новорелигиозных группах исследователь НРД сохраняет двойственную позицию, то, что Эткинсон и Хэммерсли называли «marginal native»: когда она (он) общается с последователями движений, она

(он) действует как участник – тем не менее многие осведомлены и о ее (его) исследовательской идентичности. Таким образом, проявляется такой нюанс конструирования роли исследователя, как её многомерность: при взаимодействии с различными информантами одного и того же движения исследователь может принимать различные роли.

Фактически в открытых новорелигиозных группах совмещение различных ролей не является проблемой: можно быть и «верующим», и «социологом», «журналистом», поскольку вера воспринимается как внутренняя, трансцендентная характеристика личности, а статус – как внешняя, второстепенная и проходящая (в более формализованных религиозных институтах, таких как РПЦ, вопрос о религиозной идентичности должен решаться гораздо более однозначно и строго). Соотнесение ролей более проблематично для самого исследователя, поскольку, как правило, изначальная его позиция – это внутреннее «аутсайдерство», тем не менее при длительном общении и завязывании более близких и дружеских отношений сложно сохранить дистанцию, отстраненность от изучаемой группы. Так, например, Л.И. Григорьева говорит о сложностях «балансирования» (между ролями) и «отстройки», т. е. необходимости какого-то времени после «погружения» для психологического восстановления. Соответственно, это накладывает временные ограничения на продолжительность этапа полевых исследований.

Во-вторых, в этнографических исследованиях могут проявляться ограничения, связанные с внутренними моральными установками самого исследователя и их совпадением или несовпадением с установками изучаемой группы. С одной стороны, когда объектом исследования являются зарегистрированные религиозные группы, а не криминализованные мафиозные структуры, можно ожидать, что наблюдатель сможет соучаствовать в любого рода деятельности этих НРД, не рискуя преступить юридические законы (что, правда, само по себе не очевидно). С другой стороны, некоторые девиантные или просто маргинальные стороны жизни НРД могут оказаться вне поля зрения исследователя, поскольку он не сможет, например, лично участвовать в более свободной внутренней сексуальной жизни общины или в «тантрических» ритуалах (возможны, по-видимому, и другие примеры). Тем не менее нельзя сделать однозначный вывод о том, что некоторые стороны жизни общин остаются полностью скрытыми от глаз наблюдателя; при длительном контакте информация так или иначе всплывает, например через «информаторов».

Итак, мы проанализировали особенности изучения российских НРД исходя из опыта современных исследователей. Мы увидели, что те стратегии получения информации об НРД, которыми они пользуются, представляют собой континуум стилей этнографического исследования: от серий свободных интервью до классического включенного наблюдения.

Формирование позиции исследователя в российских проектах по изучению НРД

Специфика позиции отечественного исследователя связана в большей степени с аспектами личностной идентичности тех, кто занимается изучени-

ем НРД. При этом определяющими оказались возраст экспертов и особенности их профессиональной карьеры. Опишем аспекты позиции отечественного исследователя НРД.

Аспекты личностной идентичности исследователя

Личностные характеристики. Эксперты, практикующие «свободное общение», и Филатов, возглавляющий группу исследователей – это люди старшего возраста (старше 50 лет), имеющие звания профессоров. В том, что касается религиозной идентичности экспертов, выявить ее достаточно сложно, т.к. она остается за рамками профессиональной идентичности. Из проведенных интервью можно сделать вывод, что большинство экспертов считают себя верующими христианами (различных направлений).

Профессиональная идентичность. Как уже упоминалось выше, эксперты НРД имеют самую разнообразную академическую платформу. Очевидно, что это связано с тем, что исследования религии до 1990-х гг. были непопулярны; теоретическими вопросами религиоведения занимался преимущественно Институт научного атеизма Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. Исследователи религии, таким образом, отчетливо делятся на теоретиков религиоведения и на небольшую группу людей, предпринимающих попытки эмпирических исследований, которые зачастую представляют собой интенсивное целенаправленное общение с представителями НРД и анализ документов. Среди религиоведов доминируют специалисты по научному атеизму, кандидаты и доктора философских, социологических, юридических или исторических наук. Очевидно, что профессиональная специализация оказывает влияние на стиль изучения темы, используемые концепты и исследовательский инструментарий.

Среди тех, кто занимается эмпирическими исследованиями НРД (о чем уже говорилось выше), отдельные немногочисленные исследователи в целом изолированы друг от друга и в результате поздней профессиональной специализации имеют разную дисциплинарную принадлежность (социологи, историки, религиоведы, юристы), придерживаются достаточно разных точек зрения на объект своих исследований, печатаются в различных изданиях (научно-популярных, развлекательно-информационных, религиозных). Во-первых, это приводит к тому, что исследователи используют различный методический инструментарий (основные тактики исследования были описаны выше), в европейских же исследованиях НРД изучение новорелигиозных групп проводится на базе социологических факультетов и с использованием социологических методик. Большинство современных российских социологов, анализирующих НРД, занимались религиозной проблематикой еще в СССР, на базе факультетов истории и научного атеизма, и, как правило, не пользуются систематическим образом социологическим инструментарием. Во-вторых, в российской социологии религии в настоящее время отсутствует также общепринятый категориальный аппарат.

Соотнесение ролей инсайдеров и аутсайдеров

В ходе интервью с современными российскими социологами, занимающимися изучением НРД, сложилось впечатление, что они проводят четкую

границу между собой и участниками НРД, занимая по отношению к ним роль аутсайдера, или «полного наблюдателя». Можно предположить, что та специфическая ниша, которую занимала религия в советской идеологии, способствовала формированию четкой границы между «верующим» и «ученым от науки», и это остается актуальным вплоть до настоящего момента, несмотря на формирование религиозных идентичностей у некоторых бывших ученых-атеистов. Большинство современных социологов, анализирующих НРД, занимались религиозной проблематикой еще в СССР, на базе исторических факультетов и кафедр научного атеизма. Поэтому, когда в 1990-е гг. стали появляться НРД, они естественным образом попали в фокус внимания этих исследователей.

Почти все исследователи в той или иной степени считают себя в настоящее время верующими христианами (сложно оценить, в какой степени они придерживаются ритуальной стороны; внутренняя вера вообще не поддается фиксации); подавляющее большинство экспертов относят себя к православным. Несмотря на это, хотя проведенные интервью не позволяют делать выводы относительно глубинных мотиваций каждого исследователя, внешне каждый из них действует «в поле» и в академическом сообществе, не афишируя своих религиозных взглядов, пользуется «светским» концептуальным аппаратом и позиционирует себя как «человека науки», а не «человека религиозного» или «православного». Собственная религиозная идентичность не подчеркивается ими (ни в интервью, ни в публикациях), но нельзя говорить, что она полностью выносится за скобки. Таким образом, в том, что касается исследовательской и научной деятельности, приоритетной для них является позиция академического ученого. Самовосприятие себя в качестве эксперта из научного сообщества отличает, например, чувство превосходства. Один из экспертов рефлексировал по этому поводу следующим образом:

Когда занимаешься изучением новых религий, знаком с мировой культурой, с мировыми религиями – то, конечно, есть ощущение того, что люди в бирюльки играют. Изначально некоторое высокомерие есть. Ну, все-таки я там изучал и буддизм, и индуизм довольно серьезно, тексты в оригинале... Не говоря о том, что христианство довольно неплохо знаю изнутри. Когда сталкиваешься с новыми религиями, ощущение религиозной самостоятельности, безусловно, присутствует. Но я это высокомерие свое как исследователь всегда старался в себе подавлять.

Что касается легитимации собственного религиозного опыта, то в большей или меньшей степени он воспринимается как возможность для понимания других верующих и как источник интереса к теме религиозности в целом. Один из экспертов резюмирует:

Я бы сказал, что если человек вообще ни во что не верит и является таким вот атеистом, то довольно сложно заниматься религиозными движениями. Агностиком можно быть, потому что исследователь-агностик должен по идее с интересом следить – а что же нашли другие религиозные движения, чего не нашел он, и о чем он не знает – а они вот знают, и поэтому интересно узнать – а как, откуда они это знают, как это у них все происходит.

Если внутренние отношения исследователей с той религией, к которой они себя относят, еще сложно понять, другими словами, затруднительно охарактеризовать позицию исследователей по отношению к религиозной сфере как таковой, то с большей определенностью можно сказать, что по отношению к НРД исследователи выступают аутсайдерами – идентичность исследователя уже безоговорочно выходит здесь на первый план. К изучению новых религиозных групп эксперты пришли или благодаря тематической близости – с кафедр научного атеизма и истории и/или благодаря простому интересу к необычному социальному феномену. Выше уже говорилось о том, что можно выделить три тактики изучения НРД в настоящее время: «свободное общение», «геродотовский метод» группы Филатова и непосредственно включенное наблюдение. Можно заметить, что преобладающий стиль «свободного общения», дополняемый сбором документальной информации, а также экспертное интервьюирование Филатова наиболее удобны именно для академического ученого, пользующегося авторитетом в качестве «социолога» и «независимого эксперта». С одной стороны, о чем уже говорилось, религиозные группы сами идут с ними на контакт, а с другой стороны, исследователю не приходится выстраивать свою позицию – она уже сформирована и определяется академическим статусом.

Итак, в том, что касается религиозной идентичности, российские исследователи НРД предстают по отношению к изучаемым группам аутсайдерами; наиболее значимым для них является статус профессионального исследователя. Свои религиозные убеждения, которые в интервью упоминались в качестве платформы для взаимопонимания с респондентами и стимула для проведения исследований, эксперты не афишируют, поскольку внешняя социокультурная ситуация для этого неблагоприятна. Включенное наблюдение, очевидно, может дать гораздо больше информации о реальной жизнедеятельности определенных групп НРД, но требует больше усилий, влечет за собой специфические трудности.

В целом исследователи, проводящие изучение НРД посредством классического включенного наблюдения, занимают по отношению к изучаемым группам позицию, балансирующую между «полным участником» и «участником-как-наблюдателем». Они не считают, что роль «инсайдера» или «аутсайдера» является однозначной и определяющей во взаимодействии с неорелигиозными группами, но акцентирует внимание на преимуществах открытого поведения и соучастия, дающего возможность установить с людьми эмоциональный и психологический контакт, который позволяет, по их мнению, присоединиться к группе, почувствовать и понять ее внутреннюю атмосферу, а также увидеть то, чего никогда не покажут, если останешься для группы «чужим».

Что интересно, позиция исследователя, изучающего НРД посредством включенного наблюдения, может оказаться многомерной: по отношению к различным информантам исследователь может проявлять различные аспекты исследовательской роли, кроме того, сама роль исследователя не статична. Так, один из исследователей полагает, что бессмысленно продолжать выдавать себя за «неофита-последователя» и скрывать собственные убеждения по мере развития отношений с информантами еще и потому, что в ново-

религиозных группах действуют определенные коммуникативные фильтры, регулирующие доступ и нахождение в этой среде:

Та гиперэмоциональность, которая характерна очень часто для прозелитов новых религиозных движений, она очень часто имеет элементом достаточную чуткость этих людей, то есть они прекрасно чувствуют друг друга, и вот эти вот фильтры эмоциональные, они зачастую являются теми барьерами, которые внутрь таких групп, как правило, закрытых, не пускают случайных людей. Поэтому если ты начинаешь там врать, фальшивить, притворяться, ты оттуда вылетешь сразу, как только зайдешь, и надолго ты там точно не останешься.

Результатом практики таких отношений с «объектом исследования» становится установление с отдельными информантами близких и дружеских отношений, не сводящихся к ролям «исследователь» – «информатор» и продолжающихся уже после формального окончания исследования. Один из исследователей комментирует это таким образом:

Я там знаколюсь с людьми, с некоторыми я остаюсь в теплых, близких, дружеских отношениях, которые продолжают приходить ко мне в гости, там изредка встречаться, с любопытством я расспрашиваю, мне рассказывают...

При этом, отмечает исследователь, неважно, принимают ли они его в качестве своего «одноверца»:

Они меня просто вот считают таким человеком, с которым они дружат. <...> Это же просто личные отношения. Если у меня с человеком теплые, дружеские, приятельские отношения, какой-то хороший психологический контакт – ему со мной хорошо, мне с ним хорошо, то мы просто вот за чашкой чая можем, или там на прогулке, или еще где-то... обсудить с увлечением все это дело – ему интересно, мне интересно...

По мере развития взаимоотношений с респондентами роль исследователя естественным образом трансформируется. Таким образом, проведение этнографических исследований в среде новых религиозных движений сопровождается выработкой определенной исследовательской позиции, своей «ниши», которую сложно четко определить через дихотомию инсайдерства и аутсайдерства и которая в большей степени проявляется как балансирование между различными позициями.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что позиция российских социологов в отношении категорий инсайдерства/аутсайдерства имеет некоторые общие черты:

– внешне каждый из них действует в поле и в академическом сообществе, не афишируя своих религиозных взглядов, пользуется «светским» концептуальным аппаратом и позиционирует себя как «человека науки», а не «человека религиозного» или «православного»;

– собственная религиозная идентичность и религиозный опыт в большей или меньшей степени воспринимаются как возможность для понимания других верующих и как источник интереса к теме религиозности в целом;

– по отношению к новым религиозным движениям исследователи позиционируют себя аутсайдерами – идентичность академического исследователя уже безоговорочно выходит здесь на первый план;

– исследователи, практикующие «свободное общение», а также группа Филатова при взаимодействии с НРД пользуются ролью «социолога» и «независимого эксперта», которая уже сформирована и определяется академическим статусом.

Таким образом, для исследователей, изучающих НРД, но не проводящих длительное включенное наблюдение, дихотомия инсайдер – аутсайдер остается актуальной для описания позиции исследователя, и сами они оценивают свою роль в большей степени как «аутсайдерскую».

Непосредственно включенное наблюдение влечет за собой специфические трудности по конструированию исследовательской роли. Анализ опыта эмпирических исследований социологов, проводящих классическое включенное наблюдение НРД, позволяет выявить следующие ключевые моменты в вопросе соотношения ин- и аутсайдерской роли:

– позиция внутреннего аутайдера по отношению к НРД может служить платформой для принятия в поле целого спектра исследовательских ролей: от «полного участника» до «полного наблюдателя»;

– позиция ин/аутсайдерства является сложносоставной: исследователь может достаточно легко находить доступ в поле к неорелигиозным движениям, если у них имеются общие статусные характеристики (возраст, образование и т.д.), даже если в том, что касается его религиозной идентичности, он выступает в качестве аутайдера;

– установление эмоционального контакта с респондентами является приоритетным в формировании исследовательской позиции, позволяя сохранять доверительные и открытые отношения без принятия роли «религиозного инайдера»;

На основании проведенного исследования можно предположить, что дихотомия ин/аутайдера оценивается как менее адекватная исследователями, имеющими, благодаря практике длительных включенных наблюдений, более глубокие отношения с респондентами. Это соотносится с опытом европейских исследователей в данной сфере.

Литература

1. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: ЛОГОС, 1999.
2. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999. 384 с.
3. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным...»: Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. №1/2.
4. Козина И. Особенности стратегии case-study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Социология: методология, методы, математические модели. 1995. №5–6. С. 65–90.
5. Burgess R. In the field. London, 1991. 254 p.
6. Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: principle in practice. London: Tavistock, 1983.
7. Agar M. Speaking of ethnography. New York, 1986. 79 p.
8. Современная религиозная жизнь России / Под ред. С.Б. Филатова, М. Бурдо. М., 2006. Т. 4. 366 с.